Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 156–176
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-156-176
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 156–176
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Т. С. Канева

Tatyana S. Kaneva

БЫЛИНА О «НИКИТИЧЕ ДОБРЫНЮШКЕ» ИЗ СЕЛА УЕГ: В ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕЧОРСКИМ ТОМАМ «СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА»

BYLINA ABOUT 'NIKITICH DOBRYNUSHKA' FROM THE VILLAGE OF UEG: AN ADDITION TO THE PECHORA VOLUMES OF THE *SVOD RUSSKOGO FOL'KLORA*

Резюме. Объектом изучения в статье являются аудиозаписи из Фольклорного архива им. А. Н. Власова (Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина), относящиеся к одной былине. Они сделаны тремя группами собирателей в период с 1987 по 1990 г. в селе Уег Усть-Цилемского района Республики Коми от Агафьи Ивановны Дуркиной (1915 г. р.). В результате получено девять вариантов, преимущественно это пересказы сюжета, а также отдельные фрагменты — попытки напеть былину (объем стихов в вариантах — от трех до 35). Фрагментарность записей, неуверенность исполнительницы, путаница в имени главного героя (прекрасен Васенька Окулович и Никитич Добрынюшка), вероятно, стали причиной того, что эти материалы не были переданы для публикации в серию былин «Свода русского фольклора». Автору статьи удалось атрибутировать сюжет былины — «Добрыня Никитич и Маринка» — и рассмотреть ее в сравнении с другими печорскими былинами. Приложение к статье содержит записи уежской былины о «Никитиче Добрынюшке» и тем самым вводит ее в научный оборот.

Ключевые слова: былина, сказка, «Свод русского фольклора», Добрыня Никитич, Печора, А. И. Дуркина, исполнительство, Фольклорный архив им. А. Н. Власова.

Информация об авторе: Канева Татьяна Степановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, институт гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Россия, t-kaneva@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org 0000-0002-1748-0886.

Для цитирования: *Канева Т. С.* Былина о «Никитиче Добрынюшке» из села Уег: в дополнение к печорским томам «Свода русского фольклора» // Словесность и история. 2026. № 3. С. 156–176.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-156-176.

Abstract. The article analyzes audio recordings of a bylina from the Folklore Archive named after A. N. Vlasov at the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. The recordings, which feature Agafya Ivanovna Durkina (born in 1915), were made by three groups of collectors in the village of Ueg, Ust-Tsilma District, Komi Republic, between 1987 and 1990. There are nine variants of the text, which mostly represent retellings of the plot, and individual fragments – attempts to sing the bylina (the number of verses in the variants ranges from three to 35). The fragmentary nature of the recordings, the performer's uncertainty, and the confusion surrounding the name of the main character ('Vasenka Okulovich' and 'Nikitich Dobrynyushka') likely contributed to the fact that these materials were not included in publication of the *Svod russkogo fol'klora*. The author of

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

the article attributes the bylina to the 'Dobrynya Nikitich and Marinka' plot and compares it with other Pechora bylinas. An appendix to the article includes recordings of the Ueg bylina about 'Nikitich Dobrynyushka', thus making it available to a scholarly audience.
Keywords: bylina, folk tale, *Svod russkogo fol'klora*, Dobrynya Nikitich, Pechora, A. I. Durkina, performing, Folklore Archive named after A. N. Vlasov.
Information about the author: Tatyana S. Kaneva, PhD in Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, t-kaneva@yandex.ru; ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1748-0886.
Received: May 4, 2026. ***Approved***: June 27, 2026.
For citation: Kaneva, T. S. (2026). 'Bylina About 'Nikitich Dobrynushka' from the Village of Ueg: An Addition to the Pechora Volumes of the *Svod russkogo fol'klora*', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 156–176.

Впервые, печорские, тома академического «Свода русского фольклора. Серия „Былины“» (далее — «Свод») вошли практически все известные исследователям к концу XX в. записи произведений данного жанра, зафиксированных к этому времени в двух русских традициях Печоры — в Усть-Цилемском районе Республики Коми и в Ненецком автономном округе Архангельской области [БП]. Из Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета[1], который начал активную полевую фольклористическую работу на этих территориях во второй половине 1980-х гг., уже в ситуации угасшей эпической традиции, в «Свод» вошло скромное количество текстов — девять, пять из них — с нотировками [БП, № 131, 152; Прил. V, № 1–7][2]. Однако их число могло быть больше. Так, в ФА СГУ имеется три записи «сказки» (по обозначению исполнительницы) об Илье Муромце, которые являются вариантами опубликованного в «Былинах Печоры» пересказа сюжета «Исцеление Ильи Муромца» из архива кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова [БП, № 57]. Все они были зафиксированы в течение одного десятилетия (1980–1990) от одной и той же исполнительницы, Марфы Алексеевны Семеновой (см.: [Канева 2023; 2025]), так что эти сыктывкарские материалы вполне могли занять место в «Своде». И это не единственный пример.

Сравнительно недавно в ФА СГУ наше внимание привлекли аудиозаписи былины, сделанные в разные годы от жительницы с. Уег Усть-Цилемского района Агафьи Ивановны Дуркиной (1915 г. р.)[3]; в архивных описях они обозначены как «былина», «былина о Васеньке Окуловиче», часто — с пометами

[1] Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Фольклорный архив им. А. Н. Власова; далее — ФА СГУ.

[2] Семь из них [БП, Прил. V, № 1–7] вместе с девятью другими вариантами, также из ФА СГУ, впервые были напечатаны в одном из томов «Русского фольклора» [Бильчук и др.]. Записи былин из Усть-Цильмы, полученные ФА СГУ в XXI в., опубликованы: [Ангеловская; Ангеловская, Канева 2018; 2020].

[3] Это девичья фамилия исполнительницы, фамилия мужа — Чупров [ФА СГУ, АФ 0399-1а].

«пересказ», «проба», «фрагмент», «дубль». Всего нами выявлено три группы этих записей.

Первая была сделана летом 1987 г., когда в рамках усть-цилемской фольклорной экспедиции Сыктывкарского университета (рук. А. Н. Власов) сбор материала в с. Уег вела лаборант кафедры русской литературы, выпускница филфака З. Н. Мехреньгина, уже имевшая опыт собирательской работы. От А. И. Дуркиной ею зафиксировано смешанное вспоминание былины с преобладанием стихотворного пересказа: сначала пересказ 14 неполных стихов, затем — попытка напеть былину (пять неполных стихов) и снова пересказ девяти неполных стихов (см. Приложение, текст № 1).

Через два года, летом 1989 г., с А. И. Дуркиной общались ленинградские собиратели А. М. Келарев и Л. Бухарева; в ФА СГУ хранятся копии их аудиоматериалов. К былине относится четыре единицы записи, каждая — попытка воспроизведения былины с начала: два пересказа из 25 и 23 неполных стихов и два фрагмента, исполненных «на голос», из пяти и шести стихов (см. Приложение, тексты № 2–5).

Зимой 1990 г. село Уег снова посетила фольклорная экспедиция Сыктывкарского университета, и группа в составе З. Н. Мехреньгиной и А. А. Бильчука, тогда студента 4-го курса филологического факультета, вновь навестила А. И. Дуркину. Любопытно, что ими было сделано такое же количество вариантов записи былины, что и их предшественниками: по два — с напевом, объемом в три и пять стихов, и по два — в пересказе, объемом в 35 и 24 неполных стиха (см. Приложение, тексты № 6–9[4]).

Итак, мы имеем девять вариантов записи былины объемом от трех до 35 условных стихов; пять небольших фрагментов представляют собой попытки напеть былину в ответ на настойчивые просьбы собирателей «показать на голос», большинство из них относится к зачинному мотиву пира у «солнышка-батюшка» (Т — 4, 5, 7, 9), один — к мотиву расспрашивания князем Владимиром своего невеселого гостя (Т — 1). Наиболее полным вариантом, дающим представление о сюжете, является Т — 6. Следует отметить, что припоминание былины во время всех трех встреч давалось исполнительнице нелегко. Агафья Ивановна пересказывала и напевала слабым голосом, часто в сомнениях останавливаясь; фонограмма прерывиста (в чем сказалась также пресловутая экономия магнитной пленки[5]), например, при сказывании самого

[4] Далее при ссылках на эти тексты в круглых скобках указывается буква «Т» и порядковый номер текста через тире; паспортные данные и особенности подачи текстов приведены в Приложении.

[5] Добавим, объясняя многочисленные примеры неполноты стихов: при остановках исполнительницы собиратели вынужденно выключали магнитофон, а следующее включение часто не успевало за продолжением сказывания.

объемного (объективно — все же небольшого) фрагмента в 30 с небольшим стихов мы выделили восемь остановок-заминок (см. Т — 6). Сложность восприятия записей усугубляется низким качеством их звучания. Тем не менее мы расцениваем эти материалы как вполне полноправные источники для характеристики одной из усть-цилемских былин.

Чтобы понять, какой сюжет в течение трех лет пыталась вспомнить А. И Дуркина, необходимо прежде всего определить, кто является главным героем.

В вариантах, записанных во время первых двух встреч, он назван Васенькой Окуловичем (Т — 1, 2, 3, 5). При этом обращает на себя внимание следующая закономерность: если при передаче текста в пересказе Агафья Ивановна не абсолютно твердо, но все же вводит в повествование имя персонажа, причем в полной и усеченной формах (ср.: «Один *прекрасен* был *Васенька*, *Васенька Окулович*, / Повеся́ сидел да буйну голову...», Т — 1; «Один *прекрасен Васенька Окулович* / Повеся́ держит голову...», Т — 2; «Один *прекрасен Васенька* / Повеся́ сидел да буйну голову...», Т — 3), то при попытках воспроизвести былину напевом текст обрывается как раз на моменте первого именования (представления) героя: «...Как один-то... *Солнышко-батюшко тут — нет?..*» (Т — 4), «...Как один-то... ⟨нрзб⟩ *Я уж забыла, кого уж и пела. Вот тебе и всё...* Как один-то прекрасен Васенька... *Вот тут ничё не стало, всё потеряла уж...*» (Т — 5). Эти заминки сигнализируют о том, что предлагаемое исполнительницей имя не вмещается в пропеваемый стих; Агафья Ивановна и сама понимала, что оно не соответствует ему, и останавливалась.

Как уже было отмечено, между записями июля 1989 г. (только что приведенными) и следующими, января 1990 г., прошло немного времени. Вполне правомерно оценивать ситуацию таким образом, что процесс вспоминания былины был запущен ленинградскими гостями, и в общении с сыктывкарцами наконец появился («вспомнился») новый и, как мы полагаем, истинный герой былины.

В первом варианте из серии записей 1990 г. (Т — 6) снова наблюдаем сомнения едва ли не каждый раз, когда в повествовании должно появиться имя героя: при первом его представлении — на пиру («Один-то прекрасен Васенька... *Нет...*»), при обращении к нему князя («Подходил ему солнышко-батюшко, / Стал его выспрашивать: / „А почему же ты...“ *Вот, тут так и забываюсь...*»), при назывании героя перед его ответом князю о своей кручине («Прекрасен... *этот... Вот ведь — уж того и забыла...*»). После дальнейшего пересказа сюжета, каковым его вспомнила Агафья Ивановна, зафиксировано трехстрочное начало былины (Т — 7); потом на магнитофонной

записи звучит интервью с другой женщиной, затем — вновь с Агафьей Ивановной. Припоминание былины, очевидно, продолжается (оно — «за кадром»), и вот мы слышим фрагмент, который, хотя и выстраивается с помощью собирателя, наконец содержит новое имя героя:

У солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё,
Все на пиру да напивались,
Все на честнóм да наедались,
Один... *Вот этого...*
— *Как я те давече его назвалá?..*
[*З. Н. Мехреньгина: — Добрынюшка Никитич, да?*]
— *Да, тот, наверно.*
...Один ***Никитич Добрынюшка***
Повеся́ сидел дак буйну голову...
(Т — 8)

Совершенно очевидно, что между включениями магнитофона собиратели продолжали расспрашивать Агафью Ивановну о былине. Однако, назвав другого героя, она не перестает сомневаться, избегая произнесения имени при воспроизведении диалога князя и его гостя:

Подходил ему да солнышко-батюшко,
Спрашивал его, выведывал: *Как?.. Вот...*
— Шо ты сидишь, запечалилсе? ⟨...⟩
Он тут:
— Столы мне были наставлены...
(Т — 8)

В завершении «былинной части» встречи собиратели записали от А. И. Дуркиной пропетый зачин былины, где еще раз названо имя известного русского богатыря в той же инверсированной форме, что и в предыдущем фрагменте, и снова имя останавливает исполнительницу:

Как у солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Уж и все же на пиру да напивалисе,
Уж как все же на честнóм да наедалисе.
Как один-от Никитич-от Добрынюшка...
Вот опеть, вы́тыкало всё горло...
(Т — 9)

Обратимся непосредственно к сюжету вспоминаемой Агафьей Ивановной былины и уже после прокомментируем ее сомнения и путаницу.

Сопоставив все девять вариантов записи, полученных настойчивыми собирателями, можно — несмотря на общую «недосказанность» и обрывочность текстов — выстроить довольно стройную цепь сюжетных ситуаций:

- пир у князя Владимира, на пиру невесел один «прекрасен Васенька Окулович» или «Никитич Добрынюшка»;
- расспросы «солнышка-батюшка», в ходе которых проясняется, а далее устраняется причина невеселого настроения гостя: у него нет «тугá лука, каленóй стрелы» для стрельбы в «птицу-пташицу» в «зеленóм саду»; герой получает желаемое от князя;
- стрельба богатыря в окно терема, убийство татарина.

Даже без смены имени, которая произошла в последних по времени записи вариантах Дуркиной, понятно, что это история не о Василии Окуловиче. Образы и мотивы основной части уежской былины (гуляние героя с луком, терем, стрельба из лука в окно и убийство татарина, как иногда называют любовника киевской «волшебницы») свойственны сюжету о Добрыне и Маринке, в том числе печорским вариантам, ср.:

Выходил-то Добрыня на круто крыльцё,
Брал он себе в руки ***ту́гой лук***,
Закладывал он ***стрелоцьку калёную***,
Стрелил он стрелоцьку по городу. ⟨...⟩
«Не отдам тебе стрелоцьку калёную:
Прострелил у мня ***окно*** косявцето,
Залетела стрелка моёму *милу другу*,
Залетела ему да во черны груди,
Розбила у его да легка-пéценя».
[БП, № 27]

...увидел Маринушкин высок ***те́рем***. ⟨...⟩
Да как взял тут Добрыня ***тугóй лучок***,
Да натягивал тетивочку шолковую,
Да стрелил Добрыня этих голубов. ⟨...⟩
Полетела стрела ниже жолоба,
Залетела в ***окошечко*** косевщето, ⟨...⟩
Да попала ***татарину*** в белую грудь,
Да ***убил татарина*** поганого.
[БП, № 26]

Чем же, кроме естественного забвения, объяснить путаницу исполнительницы в именах? Ответ подсказывают прежде всего сами полевые материалы.

Примечательно, что обе группы собирателей, встречавшихся с А. И. Дуркиной в 1989 и 1990 гг., «в перерывах» между припоминаниями ею былины записали от нее одну и ту же «сказку» — с участием Васеньки Окуловича. В беседе с А. Келаревым и Л. Бухаревой сказительница сама перешла к этому сюжету буквально сразу после неоконченного фрагмента былины (см. Т — 2). Она оценила повествование следующим образом: *«Тут опять была сказка ле, при́сказка ле, ста́рина ле про этого, про царя Соло́маня»*[6]. При сказывании ее сыктывкарцам она четко отделила эту историю от былины: *«Это быва́льшина ле чё ле, как ле. Не поётсе»*[7]. В архивных реестрах текст обозначен как сказка «Про царя Соломана»[8] (здесь, по всей видимости, со слов сказительницы) и «Про царя Соломана, жену его Маринку, Таракашку купца и Васеньку Окуловича»[9]. В обоих вариантах записи сказка выглядит более

[6] ФА СГУ, АФ 0399-3.
[7] ФА СГУ, АФ 03105-19.
[8] ФА СГУ, АФ 0399-5.
[9] ФА СГУ, АФ 03105-19.

цельно, чем былина, хотя А. И. Дуркина в процессе рассказывания часто выражала свою неуверенность, ссылаясь на забывчивость[10].

На наш взгляд, именно с этой сказкой связан ответ на вопрос о путанице с именем героя былины. Но прежде соотнесем сказку А. И. Дуркиной с былинным сюжетом.

На Печоре записано семь вариантов былины о Соломане и Василии Окуловиче [БП, № 270–276], пять из них — в Усть-Цилемском районе, причем два — в с. Уег, где проживала наша исполнительница[11]. Как уже было показано нами, в большинстве вариантов былины, которую пыталась вспомнить А. И. Дуркина, а также в обоих вариантах своей сказки она называет героя *прекрасен (прекрасный) Васенька Окулович*. Так же он именуется в уежском варианте былины о царе Соломане, исполненном Марфой Дмитриевной Дуркиной [БП, № 275], причем, судя по именному указателю к «Былинам Печоры», такое формульное обозначение героя отмечено только у нее [БП, т. 2, с. 636]. Еще одно редкое сочетание, сближающее тексты Агафьи Ивановны и Марфы Дмитриевны — инверсированное имя-отчество богатыря *Микитич Добрынюшка*: М. Д. Дуркина использовала его в былине о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче [БП, № 144]; в таком виде это имя больше ни у кого из печорских сказителей не выявлено[12]. Данные схождения поставили вопрос: кем приходятся эти две Дуркины друг другу, просто ли они односельчанки и однофамилицы? Ответ нашелся в полевом дневнике З. Н. Мехреньгиной. В нем на странице, посвященной А. И. Дуркиной, собирательница в связи со ста́риной записала слова своей собеседницы: «Бабка покойна пела *Марфа Дмитриевна*[13] из Кривовицкой»[14].

---

[10] Приведем несколько примеров таких сомнений: «Как же тут?.. Вот никак, ушло опять из головы-то...»; «Тут опеть забыла всё уж я...»; «Как-то так получаетсе у меня, забыла всё... Вы уж там чё ле как ле сами клейте...»; «Вот ведь! Тут помню, и тут и вот и не помню. ⟨...⟩ Вы там приспособьте сами» [ФА СГУ, АФ 0399-3]; «Немножко вот сначала-то вот не помню, упустила. ⟨...⟩ Вы маленько, вы сами там ладно подладьте, я не мо́гу ничё, у меня всё тереется, и говорить-то не могу»; «Худа голова-то! Так ведь и забываюсь...» [ФА СГУ, АФ 03105-19].

[11] Правда, один из этих двух [БП, № 276] — это всего лишь «смутное припоминание библейских сказаний о царе Соломоне и некоторых мотивов русской былины об этом герое» [БП, т. 2, с. 513].

[12] Можно сравнить с не очень последовательным вариантом устьцилёма Е. И. Рочева, где герой наряду с «Никитушкой Романовым» назван *Микитушкой Добрынюшкой* [БП, № 24].

[13] Здесь и далее при цитировании фольклорных текстов и заметок собирателей курсив наш.

[14] ФА СГУ, ФФ, 03 1987. Ссылка на бабушку (без имени) как на источник былины обрывочно зафиксирован и аудиозаписью: «бабка-то покойна всё пела, дак я вот у ей...» [ФА СГУ, АФ 0331-24.3]. «Кривовицкой» («Кривовисской» ?) — имеется в виду деревня Кривая Виска, со временем ставшая частью села Уег.

У нас практически нет сомнений, что это та самая Марфа Дмитриевна Дуркина, которую в 1942 г. записывала А. П. Разумова в составе печорской экспедиции Карело-Финского государственного университета[15]. Кроме уже упомянутых сюжетов о царе Соломане и Дюке Степановиче, она исполнила собирателю еще две былины («Илья Муромец и Сокольник», «Дунай Иванович — сват» [БП, № 77, 127]), а в сборнике плачей В. Г. Базанова и А. П. Разумовой опубликовано ее причитание по племяннику, раненному на фронте [РНБЛ, с. 68–69][16]. Об исполнительнице сообщается, что «она с гордостью вспоминала отца и мать, которые знали очень много старин, что подтверждали многие жители Уега» [БП, т. 2, с. 542]. Свои знания Марфа Дмитриевна связывала с отцом, который «под веселую руку рассказывал много старин и сказок, от него-то я и повыкла» [РНБЛ, с. 555].

Таким образом, наша Агафья Ивановна, очевидно, является наследницей семейной эпической памяти. Она, судя по всему, не снискала славы сказительницы; кроме былины, ставшей объектом изучения в данной статье, и сказки про царя Соломана, мы не располагаем данными о ее сказочно-былинном репертуаре.

Обратим внимание на то, что, кроме общего формульного именования *прекрасен (прекрасный) Васенька Окулович*, находим еще две художественные единицы, сближающие былину Марфы Дмитриевны о царе Соломане и сказку Агафьи Ивановны[17]. Первая из них — это имя неверной жены *Маринка лебедь белая*, см.:

Былина в исполнении М. Д. Дуркиной	Сказка в исполнении А. И. Дуркиной
Таракашко, купец Замóринян, По улицам пошел широ́киим, Переулочками проведённыим, Прем царских окон поклоняитце: «Ох ты ой еси, *Маринка лебедь белая*, Приходи-ко ты на царёв корабь Выбирать товары наши заморские!» [БП, № 275]	Таракашка, купец Замóрянин, пришёл этой вот Маринке, белой лебеди. ⟨…⟩ Зашёл он в и́збу, поклонился: «*Маринка, лебедь белая*, пришёл я к тебе, приехали мы с товарами заморскима. Не желательно ли посмотреть тебе товары заморски?»[18]

[15] По разным источникам, исполнительнице было тогда 70 [БП, т. 2, с. 542] или 78 [РНБЛ, с. 555] лет, т. е. год ее рождения — около 1864 или 1872 г.; в любом случае по возрасту она вполне могла быть бабушкой А. И. Дуркиной, родившейся в 1915 г.

[16] Кстати, врага в нем М. Д. Дуркина назвала «по-былинному»: *Издолище неверное, Издолище поганое* [РНБЛ, с. 69].

[17] Не имея возможности останавливаться подробно на приводимых далее для сравнения эпизодах, предлагаем читателю обратить внимание на близкую по содержанию их передачу в былине бабушки и сказке внучки.

[18] ФА СГУ, АФ 0399-3, зап. в 1989 г. В другом уежском варианте былины — припоминании сюжетов о царе Соломане (см. Приложение, примеч. 7) его жена также названа Маринкой.

Другим сходным элементом является не очень популярное в печорском словнике былин (если не редкое) обозначение иноверных врагов сложносоставным определительным сочетанием: *юрзы-мурзы поганые, татары кособрюхие*, ср.:

Былина в исполнении М. Д. Дуркиной	Сказка в исполнении А. И. Дуркиной
Вы *ю́рзы-му́рзы* да вси *поганыш*, Вы *татары* все да *кособрюхии*, На моей смертью да вы не радуйтесь — Моя смерть будет да страхови́тая! [БП, № 275]	Вы, *юрзы́-мурзы́* да все *поганы*, все *татары* вы да *кособрюхи*, над моей смертью да вы не радуйтесь, моя смерть вам не красовитая![19]

Комментируя былину М. Д. Дуркиной, Ю. А. Новиков отметил ее близость «по композиции» тексту другого усть-цилемского исполнителя — Д. К. Дуркина [БП, № 271] — и выделил их общую деталь: «Жена Соломана, как и у Д. Дуркина, именуется Маринкой, белой лебедью» [БП, т. 2, с. 513][20]. Добавим к этому использование Д. К. Дуркиным близкого М. Д. Дуркиной обозначения иноверцев, ср.:

Завёлся пир на трое суточьки,
На *турзов-мурзов* да *на поганыих*,
На пановья да на улановья,
По-русьски сказать — на русьских на бога́тырей,
На купцов, людей торговыих.
[БП, № 271: 4]

Здесь видим вариант повтора-отзвучия *юрзы-мурзы* (*турзы-мурзы*); в сочетании с прилагательным *поганые* данное именование встречается в словнике печорских былин только у этих двух сказителей[21].

Таким образом, сказка А. И. Дуркиной о царе Соломане и Васеньке Окуловиче обнаруживает сходство с отдельными вариантами былины об этих же героях[22], прежде всего на уровне формульных имен персонажей: это

[19] ФА СГУ, АФ 0399-3, зап. в 1989 г.; то же: ФА СГУ, АФ 03105-19, зап. в 1990 г.

[21] Очень велик соблазн соотнести Дмитрия Карповича Дуркина, которому, по сведениям А. М. Астаховой, в 1929 г. было 83 года (т. е. он был около 1846 г. р.), и Марфу Дмитриевну Дуркину (ок. 1864 или 1872 г. р., см. примеч. 15) как отца и дочь, однако Д. К. Дуркин был жителем села Усть-Цильма, а, исходя из заметок экспедиции 1942 г., родители М. Д. Дуркиной также были уежанами (см. уже приведенные ранее воспоминания: «...она с гордостью вспоминала отца и мать, которые *знали очень много старин, что подтверждали многие жители Уега*» [БП, т. 2, с. 542]). Другими биографическими сведениями мы пока не располагаем, и в целом они не влияют непосредственно на оценку поэтического инвентаря сказителей, но вопрос их родства небезынтересен для дальнейших разысканий.

[22] Сравнительного сказочного материала, к сожалению, недостаточно. В числе опубликованных усть-цилемских сказок (это записи Н. Е. Ончукова нач. XX в. и И. В. Карнауховой 1929 г.) сюжета о царе Соломане и его неверной жене нет; в архивных источниках нами выявлен пока один

два антропонима (*прекрасен Васенька Окулович*, *Маринка лебедь белая*) и этноним (*юрзы (турзы)-мурзы поганые, татары кособрюхие*), а кроме того — на уровне самой передачи сюжетных эпизодов. Полагаем, что Агафье Ивановне, которая вряд ли свободно владела мастерством сказывания былин, сказочная форма была ближе, и можно предположить, что сказочная история о прекрасном Васеньке Окуловиче лучше сохранилась в ее памяти и определенным образом заслоняла былину о других героях, которую она пыталась воспроизвести собирателям.

Что касается собственно былины о Добрыне Никитиче и Маринке, то хотя она и не была зафиксирована в Уеге, это, разумеется, не исключает ее бытования в местной традиции[23], не случайно А. И. Дуркина обронила, что ее пела «бабка покойна». Повторяющееся женское имя в двух разных сюжетах, в двух парах героев (Добрыня Никитич и *Маринка*, Василий Окулович и *Маринка*) могло сыграть свою роль в процессе припоминания (и смешения) былин и некоторое время вести исполнительницу по ложному пути. На это указывает и «подмена» «солнышка-батюшка» царем Соломаном в эпизоде расспрашивания князем невеселого гостя (см. Т — 6).

Вернемся к былине о Добрыне, которую старательно вспоминала А. И. Дуркина во время трех встреч с собирателями, и попытаемся определить, насколько типичны или специфичны в контексте печорского эпоса основные образно-сюжетные детали этого новообретенного варианта, а также особенности их оформления.

Начальная сюжетная ситуация: Добрыня печалится-кручинится на княжеском пиру — может быть оценена как довольно редкая для печорских былин. Известно два варианта, в которых герой уже с пира идет невеселым и даже с плачем [БП, № 29], получив от князя «службу немалую»: в одном случае — вернуть Путятичну, похищенную змеем [БП, № 29], в другом — «от Киева до Царяграда прочистить-то дорожку премоезжую, ⟨...⟩ перебить-то всех калмык да как с татарами» [Ангеловская, Канева 2020, с. 61]. Однако есть

вариант сказки «Про Соломона-царя» — в записи Н. И. Савушкиной 1978 г. от У. Д. Поташовой 79 л., уроженки д. Черногорской (Архив кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова, 4-7-1978, т. 119, № 1, с. 0070-0077). В нем неверная жена и ее «миляш», «хозяин ейный новой», по именам не названы («женку забыла, как зовут»); сводником выступает Мишка Торопанишка. При этом, безусловно, обе сказки заслуживают специальной сопоставительной характеристики как варианты одной локальной традиции.

[23] Начиная с 1902 г. от шести уежан (в том числе от двух женщин) было записано 20 вариантов былин (включая пересказы и припоминания). Из сюжетов о Добрыне это былина о его рождении [БП, № 9]; в уежском варианте былины «Добрыня и Василий Казимирович» [БП, № 17] Добрыни нет (послами князя Владимира выступили Василий Касимирович, Никита Паширокий и Потанюшка Вахроменькой).

в печорских записях и «начало неизвестной былины о Добрыне» [БП, т. 1, с. 671], оканчивающейся именно констатацией отличного от других гостей пира поведения «доброго молодца», который не пьет «чарý заздравную» за царя православного, за царицу благоверную [БП, № 20]. Записавшая этот фрагмент Н. П. Колпакова отметила: «Так обычно начинается былина об Иване Годиновиче. Возможно, что исполнитель смешал героев» [БП, т. 1, с. 671].

Не споря с этим, присмотримся к эпической биографии Добрыни Никитича в поисках причины его грусти. Богатырь, отданный на службу князю, «без выхода» проводит у него много лет, не имея возможности проявить себя бравым воином[24], и наконец просит у солнышка Владимира позволения-благословения погулять по Киеву. В контексте повествования эта ситуация возникает в сюжете как самостоятельная, во всяком случае, вне пира (см., например: [БП, № 23, 26, 29]). В изложении устьцилёмов — братьев Носовых герой сам рассказывает о наскучившей службе у князя и самовольном уходе в город при его «допрашивании» после расколдовывания (как известно, прогулка по киевским улочкам завершилась убийством Добрыней любовника Маринки-колдуньи, которая обернула его туром); здесь видим отношение героя к службе, красноречиво названной «сижáночкой»: «Мне сижаноцька эта как прискуцилась» [БП, № 24]. В уежской же былине скука героя становится практически особым мотивом, который очень органично вписан А. И. Дуркиной в сцену пира, на котором происходит объяснение богатыря с князем (см. Т — 1, 2, 3, 6, 8)[25]. В результате герой признается, что причина скуки-кручины в отсутствии лука со стрелами и возможности пострелять птиц:

А не хватат у мня одно — Не хватат у мня тугá лýка, Не хватат у мня каленóй стрелы... (Т — 2)	Не хватат мне одно только — Нету у мня да тугá лýка, Нету у меня да этой — каленóй стрелы... (Т — 6)

Формульное сетование богатыря на отсутствие у него *туга лука и каленой стрелы* в печорском эпосе встречается в былине о Василии Игнатьеве

[24] В варианте П. Р. Поздеева он служит 12 лет: по три года во конюхах, в приворотниках, во стольниках, во писарях [БП, № 23]; в варианте Носовых срок службы гиперболизирован: «...десять лет жил ище в кучерах, / Да я тридцеть я лет сидел во писарях» [БП, № 24]; в варианте И. Е. Чупрова отмечено отсутствие возможности у Добрыни, по три года жившего у князя во ключниках, в подносчичках и во писарях, погулять по городу: «Не бывал он по улицам широкиим, / Да по тем по частым переулочкам» [БП, № 26].

[25] В диалоге обращает на себя внимание перечисление возможных причин печали: *столы (не) наставлены, скатерти (не) настелены, чара вина (не) налита / пода(ва)на*: при всей характерности образов ситуации пира-угощения (столы — скатерти — чара вина) мы пока не можем назвать полных аналогов этой формуле из печорских былин.

и Батыге (запись начала XX в. с Пижмы) — в ряду перечисления отсутствующих у Васьки, горького пьяницы, предметов воинского снаряжения:

...Кабы нету у мня приправы молодецкоей,
Кабы нету у меня туга лука,
Кабы нет у меня стрелоцьки каленоей,
Уж и нет у меня палицы буёвоей,
Кабы нет у меня копейчо бурзомецькое...
[БП, № 197]

В былине А. И. Дуркиной нет мотива испрашивания и получения благословения на прогулку с луком, если только не принимать за его осколки сообщение об «удовлетворении просьбы» в прозаических пересказах: «Дал ему ту́гой лук, калену́ стрелу» (Т — 2; подобн.: Т — 3); «Разрешил ему солнышко-батюшко ту́гой лук да калену стрелу» (Т — 6); «Солнышко-батюшко говорит: „Ну давай, я уж тебе дам“» (Т — 8)[26].

Практически во всех печорских вариантах былины о Добрыне и Маринке герой прямо сообщает о намерении прогуляться по улицам Киева, посмотреть Маринкин терем (иногда последний появляется в контексте княжеского запрета не ходить в «Маринкин переулочек»). В уежской былине этот локус прямо не называется. В одном из вариантов намерения героя связаны с *чистым полем*, соответствующим богатырской топике: «Сходил бы я в чисто́ полё, / Пострелял бы я птицу-пташицу» (Т — 1)[27]. В остальных же вариантах на его месте, точнее на месте «Маринкиных улочек», появляется символически близкий (*зелен*) *сад* с его семантикой женского пространства[28], а предметом охоты становятся не «гуси, белые лебеди», а *птица-пташица*: «А хотел бы я сходить во зелен сад, / А пострелять да птицу-пташицу» (Т — 6; подоб.: Т — 2, 3). Иносказательный характер этого мотива, заключающего намерения побывать у Маринки, *лютой грозы да лихой змеи*[29], поддерживается, на наш взгляд, редкой параллелью «птички-пташечки — лютая змея», использованной одной из цилемских сказительниц в сюжете о Дюке Степановиче, ср.:

[26] В былине П. Р. Поздеева (запись нач. XX в.) находим близкий эпизод, но с мотивом благословения, он передан следующим образом: «А как дал ноньце ле князь благословеньицо, / А как дал-де-ка ле тугой лук со стрелкою. / Он пошел ноньце по городу по Кееву» [БП, № 23].

[27] Ср.: «Кабы ездил Добрыня *по чисту́ полю́*, / А стрелял он гусей да белых ле́бедей, / А ещо он стрелял да серых утицей» [БП, № 136] («Бой Добрыни с Дунаем»).

[28] Большинство примеров появления определительного сочетания *зелен(-ые) сад(-ы)* в печорских былинах отсылают к образам героинь — невест или любовниц (сюжеты «Чурила и Катерина», «Лука, змея и Настасья»). Кстати, в словнике печорских былин о Добрыне и Маринке это сочетание отмечено лишь в одном тексте [БП, № 28], так что вариант А. И. Дуркиной умножает эти примеры.

[29] Так названа эта волшебница в одном из печорских вариантов «Добрыни и Маринки» [БП, № 26]. Примечательно, что в одном случае А. И. Дуркина засомневалась в соответствии этого иносказательного образа сюжетной ситуации: «Не птицу-пташицу пошёл стрелять-то...» (Т — 6).

...Приехал к реки́ Волхову ⟨...⟩
И увидел тут *змею лютую*.
Испугался у Дюка добро́й конь, ⟨...⟩
Говорил тут Дюк Степанович:
«Ой ты, конь, мой конь, ⟨...⟩
Для цего ты на колена припадываешь?
Не видал разве *птицек-пташецек*?»
[БП, № 143]

Кстати, сама однокоренная пара слов «птички-пташечки» из процитированного фрагмента до сих пор была единственным примером в словнике печорских былин; единичны употребления этого словосочетания, по нашим наблюдениям, и в других севернорусских былинах.

Окончание истории, сохраненной памятью А. И. Дуркиной, более или менее внятно удалось зафиксировать только при последней встрече с ней собирателей, в 1990 г. (см. Т — 6, более обрывочно: Т — 1 и Т — 8): «Подходил он ⟨...⟩ вот к терему какому ле и... [выстрелил] в окно, и залетела его пуля-то татарину в черны́ груди, разбила-размешала кровь со печенью» (Т — 6), ср.:

И подошёл к этому, ко дворчу и там снаряжал он свою калену стрелу, ту́гой лук. ⟨...⟩ Стал он тут опять выстреливать, и залетела егова пуля в высок терем (Т — 1).	...пошёл он... ⟨...⟩ Стрелял-то он там в окно-то (Т — 8).

И без имени хозяйки терема понятно, что Добрыня Никитич (и уже нет никаких сомнений, что это именно он) убил любовника Маринки, названного Агафьей Ивановной татарином (как и в трех других печорских былинах: [БП, № 23, 26, 30]).

Финал самого полного варианта А. И. Дуркиной (Т — 6) построен на традиционной формуле убийства (*разбить*)-*размешать кровь со печенью*. Мы обнаружили ее в семи печорских былинах разных сюжетов, записанных от шести сказителей [БП, № 74, 84, 119, 127, 156, 180, 183]. При этом не можем не обратить внимания на то, что лишь одна из параллелей принадлежит тексту из Усть-Цилемского района (остальные — с низовой Печоры), более того — тексту из с. Уег, записанному от бабушки нашей исполнительницы; М. Д. Дуркина использовала эту формулу в предостережении Марьи Семеновны, жены Дуная, о возможных последствиях соревнования в стрельбе, см.: «А ты с третьего раза стрельнёшь — / Залетит стрела во белы́ груди́, / Размешашь ты кровь со печенью, / Погубишь меня» [БП, № 127]. Примечательно, что эта история прикреплена М. Д. Дуркиной к Добрыне и записана под условным обозначением «О Добрынюшке Никитиче». Таким образом, не одна Агафья Ивановна замечена в путанице имен богатырей, но благодаря имеющимся в ФА СГУ трем сериям записей сюжет неизвестной до сих пор

широкому кругу исследователей уежской былины нам удалось определить довольно уверенно.

Допускаем, что причиной невключения сыктывкарскими филологами былины А. И. Дуркиной в материалы, рекомендованные для «Свода», стали фрагментарность записей и невнятность сюжета, усугубляющиеся низким качеством фонограмм. Тем не менее специальное обращение к этим записям, результаты которого представлены в данной работе, позволило обозначить сам факт бытования былины о Добрыне и Маринке в одной из печорских микролокальных традиций [30], а также выявить целый ряд довольно редких мотивов и поэтических формул (причем, как было показано, некоторые из них выступают маркерами в оценке семейных связей исполнителей). Представленные сюжетно-текстологические наблюдения могут быть подвергнуты дальнейшим исследованиям в разных аспектах, в том числе и в связи с вопросами эпической памяти, ее сохранения и угасания.

Литература

Ангеловская — *Ангеловская Л. В.* Новые записи усть-цилемских былин в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета // Народная культура в слове и тексте: Сб. исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013. С. 228–239.

Ангеловская, Канева 2018 — *Ангеловская Л. В., Канева Т. С.* Пижемская эпическая песня о Бутмане: новые записи // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова / Отв. ред. М. Н. Власова, Т. С. Канева. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 126–153. (Из истории русской фольклористики; Вып. 10).

Ангеловская, Канева 2020 — *Ангеловская Л. В., Канева Т. С.* Новые источники изучения усть-цилемских былин: записи 1975 г. от Ивана Ивановича Чупрова // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 4. С. 54–71. DOI: org/10.26158/TK.2020.21.4.005.

Бильчук и др. — *Бильчук А. А., Власов А. Н., Захаров А. Н., Мехреньгина З. Н.* Памятники русского песенного эпоса в фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета // Русский фольклор. СПб.: Наука, 1995. Вып. 28. С. 258–290.

БП — Былины: В 25 т. СПб.; М.: Наука; Изд. центр «Классика», 2001. Т. 1–2: Былины Печоры. 776 с. + 784 с. (Свод русского фольклора).

Канева 2023 — *Канева Т. С.* Усть-цилемские сказки об Илье Муромце в исполнении М. А. Семеновой на фоне местной традиции // Словесность и история. 2023. № 3. С. 183–207. DOI: 10.31860/2712-7591-2023-3-193-207.

Канева 2025 — *Канева Т. С.* Прозаические нарративы об Илье Муромце в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина // Русский

[30] На Печоре было записано восемь вариантов былины «Добрыня Никитич и Маринка» [БП, № 23–30].

фольклор. СПб.: Наука, 2025. Т. 40: Материалы и исследования. С. 160–186. DOI: 10.31860/0136-7447-2025-40-160-186.

РНБЛ — Русская народно-бытовая лирика: Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 598 с.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. Т. 1. 553 с.

References

Angelovskaya, L. V. (2013) 'Novye zapisi ust'-tsilemskikh bylin v Fol'klornom arkhive Syktyvkarskogo universiteta' ['New Recordings of Ust-Tsilem Epic Poems in the Folklore Archive of Syktyvkar University'], in: *Narodnaia kul'tura v slove i tekste: Sbornik issledovanii i materialov pamiati Valentiny Viktorovny Filippovoi* [*Folk Culture in Word and Text: A Collection of Research and Materials in Memory of Valentina Viktorovna Filippova*]. Syktyvkar: Izdatel'stvo Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 228–239. (In Russ.)

Angelovskaya, L. V., Kaneva, T. S. (2018). 'Pizhemskaia epicheskaia pesnia o Butmane: novye zapisi' ['The Pizhm Epic Song About Butman: New Recordings'], in: M. N. Vlasova, T. S. Kaneva, eds. *Sovremennye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoi narodnoi kul'tury: K iubileiu Iuriia Aleksandrovicha Novikova (Iz istorii russkoi fol'kloristiki)* [*Modern Methods and Approaches in the Study of Traditional Folk Culture: On the Anniversary of Yuri Aleksandrovich Novikov (From the History of Russian Folkloristics)*]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. Iss. 10, 126–153. (In Russ.)

Angelovskaya, L. V., Kaneva, T. S. (2020). 'Novye istochniki izucheniia ust'-tsilemskikh bylin: zapisi 1975 g. ot Ivana Ivanovicha Chuprova' ['A New Source for the Study of Ust-Tsilma Bylinas (Russian Heroic Epics): The 1975 Recording of Ivan Ivanovich Chuprov'], *Traditional culture*, 21 (4), 54–71. (In Russ.)

Bil'chuk, A. A., Vlasov, A. N., Zakharov, A. N., Mekhren'gina, Z. N. (1995). 'Pamiatniki russkogo pesennogo eposa v fol'klornom arkhive Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta' ['Monuments of the Russian Song Epic in the Folklore Archive of Syktyvkar State University'], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 28, 258–290. (In Russ.)

Ivashko, L. A., ed. (2003). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory: V 2 t.* [*Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora. In 2 vols.*]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1, 553 p. (In Russ.)

Kaneva, T. S. (2023). 'The Ust-Tsilma Folk Tales About Ilia Muromets Performed by Marfa Alekseevna Semenova as a Part of the Local Tradition', *Slovesnost' i istoriia* [*Texts and History*], 3, 183–207. (In Russ.)

Kaneva, T. S. (2025). 'Prozaicheskie narrativy ob Il'e Muromtse v Ust'-Tsilemskom sobranii Fol'klornogo arkhiva SGU im. Pitirima Sorokina' ['Prose Narratives about Ilya Muromets in the Ust'-Tsilma Collection of the Folklore Archive of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University'], in: *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 40, 160–186. (In Russ.)

Приложение

В Приложении публикуются расшифровки аудиозаписей исследуемой в статье былины из Усть-Цилемского собрания Фольклорного архива им. А. Н. Власова Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (ФА СГУ), сделанные в с. Уег Усть-Цилемского района Республики Коми от Агафьи Ивановны Дуркиной, 1915 г. р. (собиратели и годы записи приведены в примечаниях).

Тексты располагаются в хронологическом порядке (в соответствии с фиксацией).

Знаком Z в текстах показаны технические паузы во время аудиозаписи (включение / выключение магнитофона); в квадратные скобки курсивом заключены вопросы собирателей, прямым шрифтом — восполнения упущенных при выключении магнитофона слов, предложенных автором публикации; в угловых скобках показаны неразборчивые слова и пропуски незначительных фрагментов. Остановки исполнительницы во время воспроизведения сюжета (сомнения, повторы) показаны курсивом в круглых скобках; часть таких фрагментов перенесена в примечания, чтобы не сбивать порядка стихов. В совокупности с репликами собирателей эти отступления передают практически весь объем записанного материала, относящегося к былине, и отражают процесс вспоминания былины.

Расшифровки выполнены и подготовлены к публикации автором настоящей статьи.

Текст № 1

[Как у солнышка] у батюшка
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.
Все на пиру да напивалисе,
Все на чесно́м да наедалисе,
Один прекрасен был Васенька, ⟨нрзб⟩ Васенька Окулович,
Повеся́ сидел да буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Подходил ему солнышко-батюшка,
Говорил ему таковы слова:[1]
— Что же ты сидишь запечалился,
Запечалился-закручинился?
Чары те вина не подаваны?
Ле столы тебе были не наставлены?
Чары вина тебе не на́литы? Z
— [Солныш]ко-батюшко, Владимер-князь,
И столы-ти были наставлены,

⟨Видно⟩, скатерти были настелены,
Чары вина были налиты,
(*У мня*) У мня нету только... (*Тут у меня уж не хватает...*) Z
⟨Сходил бы я⟩ в чистó полё,
По... пострелял бы я птицу-пташицу...[2] Z
...Калену стрелу.
Пошёл добрый молодец прогулятися,
Птицу-пташицу постреляти.
И подошёл к этому ко дворчу и там снаряжал он свою калену стрелу,
ту́гой лук[3]. Z
Стал он тут опять выстреливать,
И залетела егова пуля в высок терём...

Текст № 1. ФА СГУ. АФ 0331-24. Записано З. Н. Мехреньгиной в июле 1987 г. Смешанное исполнение: пересказ, стихи 15–19 — попытка напеть фрагмент.

[1] Далее — сбивчивая попытка вспомнить обращение князя к герою: «„Что ты..." Солнышко-батюшко... (*Как вот?.. не Владимир ведь?..* ⟨*нрзб*⟩ *Нет. Солнышко-то князь ли был?*)... таковы слова».

[2] Далее исполнительница сообщила: *«Бабка-то покойна всё пела, дак я вот у ей...»*

[3] Далее: *«Как ле вот тут... Не помню»*.

Текст № 2

У солнышка-батюшка
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Все на пиру напивались,
Все на честнóм да наедались,
Один прекрасен Васенька Окулович
Повеся́ сидел да буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Тут пришёл ему солнышко-батюшко, спрашиват:
— Что... (*Нет.*) Прекрасен Васенька Окулович,
Почему сидишь ты невесёлой?
Повеся́ сидишь да буйну голову,
Потупя́ дёржишь да очи ясные?
Прекрасен Васенька Окулович:[4]
— Столы мне были наставлены,
И скатерти были настелены,
Чара вина мне пода́вана,
А не хватат у мня одно —
Не хватат у мня туга́ лу́ка,
Не хватат у мня калено́й стрелы.
Пошёл бы я во зе́леный сад
А пострелять да птичу-пташичу.
Этот... прекрасен Васенька Окулович...
Дал ему ту́гой лук, калену́ стрелу,
Пошёл он стрелять да птичу-пташичу.

Подошёл...

(*Как тут?.. Вот я и запуталась. Не знаю больше тут...* ⟨...⟩ *Дак не помню, тут чё и...*).

Текст № 2. ФА СГУ. АФ 0399-1. Записано А. М. Келаревым и Л. Бухаревой в июле 1989 г. Пересказ.

[4] Далее: *«Нет, тут еще:* Солнышко-батюшко... *Тут опять запутала...»*

Текст № 3

У солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Все ле на пиру да напивались,
Все на честнóм да наедались,
Один прекрасен Васенька
Повеся́ сидел да буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Подходит ему солнышко-батюшка,
Спрашиват у ево:
— Почему же ты такой сидишь хмурой?
Столы тебе были не наставлены?
Скатерти тебе были не настелены?
Чара вина тебе не налита?
— А столы мне-ка были наставлены,
Скатерти настелены,
Чары вина были пода́ваны,
Только не хватат у меня туга́ лука.
Спрашиват солнышко-батюшко:
— Куда ты с тугим луком, с калено́й стрелой?
— Пошёл бы я в сад прогуляться,
Птичу-пташичу постреляти.
Дал он ему эту — ту́гой лук, калену́ стрелу, пошёл он...

(*Вот тут я и запуталась, ничё не помню больше. Никак не мо́гу вспомнить-то. Тут опять была сказка ле, при́сказка ле, ста́рина ле про этого, про царя Соло́маня*).

Текст № 3. ФА СГУ. АФ 0399-2. См. текст № 2. Пересказ.
После данного текста на записи звучит сказка про царя Соломаня.

Текст № 4

Как у солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Уж и все на пиру да напивалисе,
Уж как все на чесно́м да наедалисе...

(*Вот дух* ⟨*захватывает*⟩).
[А. К.: — *Не спеша, как есть дух, скоко есть, потихоньку.*]

(*Да, бат*[5]*, и забыла уж*).

Как один-то... (*Солнышко-батюшко-то тут, нет?..*).

[А. К.: — *Ну еще раз с начала, еще раз с начала.*
Л. Б.: — *Там столы были накрыты...*
А. К.: — *С начала еще раз.*]

Текст № 4. ФА СГУ. АФ 0399-5. См. текст № 2. Попытка напеть былину.

[5] Бат — вводное слово, указывает на возможность ('может', 'возможно') или вероятность действия ('наверное', 'по-видимому'), а также связывается со значением 'значит', 'стало быть' [СРГНП, с. 22–23].

Текст № 5

Как у солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё.
Уж и все на пиру да напивалисе,
Уж как все на чеснóм да наедалисе.
Как один-то... (*⟨нрзб⟩ Я уж забыла, кого уж и пела. Вот тебе и всё...*)
Как один-то прекрасен Васенька...
(*Вот тут ничё не стало, всё потеряла уж... Я ведь вам говорила, бажоны*[6] *мои...*).

Текст № 5. ФА СГУ. АФ 0399-6. См. текст № 2. Повторная попытка напеть былину, следует непосредственно после текста № 4.

[6] Дорогие, любимые [СРГНП, с. 15]; в данном контексте — обращение к собирателям.

Текст № 6

...во городе во Киеве
Заводилосе пирóванье-столóванье.
Все ли на пиру да напивалисе,
Все на честнóм да наедались.
Один-то прекрасен Васенька... (*Нет...*)
Повеся́ сидел да буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Подходил ему солнышко-батюшко,
Стал его выспрашивать:
— А почему же ты... (*Вот, тут так и забываюсь...*) Z
...Васенька Окулович,
Потупя́ де... пок... держи́шь да буйну... Повеся́ сидишь да буйну голову,
Потупя́ держишь да очи ясные?
Столы ли те были не наставлены?
Скатерти тебе ли не настелены?
Чара вина ли те не по́дана?
Прекрасен... (*Этот... Вот ведь — уж того и забыла...*)
— Солнышко-батюшко, Владимир-князь,

Столы мне-ка были наставлены,
Скатерти были мне настелены,
Чары вина были поданы,
Не хватат мне одно только —
Нету у мня да туга́ лу́ка,
Нету у меня да этой — калено́й стрелы.
А царь Со... царь Соломань[7] [спрашивает]: Z
— [Зачем] тебе да ту́гой лук?
Зачем тебе да калену́ стрелу?
— А хотел бы я сходить во зелен сад,
А пострелять да птицу-пташицу.
Розрешил ему солнышко-батюшко
Ту́гой лук да калену стрелу,
Пошёл он...[8] Z ...[в] зелен сад с калено́й стрелой...[9]
Подходил он... (*Нет, сказать не могу ничё...*) ...вот к терему какому ле и... Z ...[выстрелил] в окно, и залетела его пуля-то татарину в черны́ груди, разбила-размешала кровь со печенью.

Текст № 6. ФА СГУ. АФ 03105-1. Записано З. Н. Мехреньгиной и А. А. Бильчуком 24 января 1990 г. Пересказ.

[7] Исполнительница спутала царя Соломана и князя Владимира, отметив: *«Опять забылась уж я тут... Долго, много ли я вам тут посказываю?..»*

[8] Далее следует: *«Наверно, всё спутаю ведь я... Ой, Господи!.. Вот надейся на себя... У меня голова-то стала вертеться уж, не по́-людски... Ой...»*

[9] Далее следует: *«Ничё не выйдет, надо быть... Z ...Не птицу-пташицу пошёл стрелять-то, останови пока»*.

Текст № 7

Во стольном во городи во Киеви
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.
А все и на пиру да напивалисе... (*Ой, схватыват у меня...*)

Текст № 7. ФА СГУ. АФ 03105-2. См. текст № 6. Попытка исполнить зачин с напевом; на аудиозаписи следует непосредственно после текста № 6.

Текст № 8

У солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.
Все на пиру да напивались,
Все на честно́м да наедались,
Один...[10] Один Никитич Добрынюшка
Повеся́ сидел дак буйну голову,
Потупя́ держал да очи ясные.
Подходил ему да солнышко-батюшко,
Спрашивал его, выведывал: (*Как?.. Вот...*)

— Шо ты сидишь запечалилсе?
Чё сидишь да закручинилсе?
Столы тебе ли не наставлены?
Скатерти тебе ли не настелены?
Чара вина ли не пода́вана?
Он тут:
— Столы мне были наставлены,
Скатерти были настелены,
Чара вина была нали́вана. (*Вот тут опять, опять тут завертушка…*) Z
Нет, говорит, у меня туга́ лу́ка,
Нет у меня да этой, калено́й стрелы.
Солнышко-батюшко говорит:
— Ну давай, я уж тебе дам.

Вот, взял он этот ту́гой лук, калену́ стрелу и понёс, пошёл он… (*Ак вот в том, в этой ведь, наверно…* ⟨…⟩) Стрелял-то он там в окно-то. (*Как тут?.. Вот всё…*).

Текст № 8. ФА СГУ. АФ 03105-20. См. текст № 6. Пересказ.

[10] Далее следует: *«Вот этого… Как я те давече его назвала́?* [З. М.: — *Добрынюшка Никитич, да?*] — *Да, тот, наверно»*.

Текст № 9

Как у солнышка-батюшка Владимира
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё.
Уж и все же на пиру да напивалисе,
Уж как все же на честно́м да наедалисе.
Как один-от Никитич-от Добрынюшка… (*Вот опеть, вы́тыкало*[11] *всё горло…*)

Текст № 9. ФА СГУ. АФ 03105-21. См. текст № 6. Повторная попытка исполнить зачин былины с напевом (см. текст № 7); на аудиозаписи следует непосредственно после текста № 8.

[11] Исклололо [СРГНП, с. 126].